

В отличие от печали и грусти Се Муцина, Чжао Хуайцзинь, вернувшись домой, сразу же оказался в окружении старших, которые с детства его баловали. Они то и дело щипали его, приговаривая, что он похудел и его нужно хорошо подкормить. Из-за этого отвлечения он на время забыл о Се Муцине и начал наслаждаться своей свободной жизнью. Однако спустя несколько дней он почувствовал, что рядом с ним кого-то не хватает, и это ощущение особенно усиливалось в тишине ночи.

Тот, кто всегда приставал к нему с разговорами, исчез. Тот, кто, несмотря на свой высокий статус, приносил ему тарелочку с пирожными, исчез. Тот, кто всегда подавал ему чашку чая, когда он уставал, исчез. И во сне ему постоянно являлись различные выражения лица того человека: то он готов был заплакать, то улыбался, то капризничал и упрямылся... Чем больше времени проходило, тем отчетливее становились воспоминания, особенно о тех ярких глазах, которые в моменты, когда он был готов заплакать, казалось, были покрыты дымкой, сквозь которую ничего не было видно; когда он хитрил, его глаза смеялись, а когда видел что-то вкусное, они загорались...

Лежа в постели, Чжао Хуайцзинь вдруг почувствовал, как сильно он скучает по Се Муцину, тому наследному принцу, которого он оставил. Он вздохнул, не зная, что делать, и, раздраженно почесав голову, решил сначала лечь спать, а завтра обсудить с отцом эти мучительные вопросы.

Се Муцин за эти дни загрузил себя до предела. Каждый день он ходил к Императорскому наставнику изучать древние тексты, затем в чертог Цихуэй, чтобы обсудить государственные дела с императором Шэндэ, и, наконец, занимался боевыми искусствами, не останавливаясь, пока не доводил себя до изнеможения. Каждый вечер, возвращаясь во дворец, он был настолько усталым, что едва не засыпал на ходу, что вызывало у Чжэньчжэнь сердечную боль. Её господин никогда раньше не был так изнурен. Однако министры при дворе всё больше хвалили наследного принца, говоря, что он становится всё более уравновешенным и обретает достойное принца достоинство. На эти похвалы Се Муцин лишь слегка улыбался. Его возрастающая уравновешенность была подарком того человека, и он подумал, что, возможно, ему стоит поблагодарить его.

Чжао Си заметил, что его сын в последнее время стал каким-то рассеянным, часто застывал, глядя в одну точку. По словам слуг, он иногда бормотал что-то вроде «А Цин, нет, не А Цин, А Цин не может быть здесь». Слуги не знали, кто такой А Цин, но Чжао Си знал. Он задумался, что же его сын делал во дворце с наследным принцем, что теперь так о нем вспоминает. Чжао Си решил как следует поговорить с ним.

Чжао Си вошел в кабинет Чжао Хуайцзиня:

— А Юй.

Никто не ответил. Не удивившись, он увидел, что его сын снова смотрит в одну точку. Он вздохнул и постучал по столу:

— А Юй, очнись!

— А Цин! Нет, отец, — Чжао Хуайцзинь машинально назвал имя Се Муцина. Очнувшись, он понял, что находится в своем кабинете, а перед ним стоит его отец, и с досадой хлопнул себя по лбу. — Как я снова подумал о том маленьком негоднике Се Муцине?

Чжао Си почувствовал что-то неладное, но не мог понять, что именно, поэтому решил пока оставить этот вопрос в стороне и перейти к сути:

— А Юй, что с тобой в последнее время? Почему ты такой рассеянный? Так нельзя. Может, тебе нездоровится? Если учеба слишком тяжела, отдохни, не сиди всё время дома.

Чжао Хуайцзинь покачал головой, показывая, что всё в порядке, и вдруг заметил, что его отец одет в придворную одежду. Значит, он только что вернулся с аудиенции. Его глаза загорелись:

— Отец, как поживает наследный принц?

При этих словах Чжао Си улыбнулся с удовлетворением:

— А Юй, ты не представляешь, наследный принц в последнее время стал настоящим государем! Он справедливо награждает и наказывает придворных чиновников. По словам императора, он также значительно продвинулся в боевых искусствах. Даже Императорский наставник хвалит его за то, что он стал совсем другим. Тот наследный принц, который раньше часто капризничал, стал гораздо спокойнее, и император очень удивлен.

Он закончил с похвалой, но затем, смутившись, почесал голову:

— Хотя, странно, раньше после аудиенции наследный принц всегда приставал ко мне с вопросами о твоих предпочтениях, но в последнее время он сразу же уходит, и я даже немного привык к этому.

— Правда? — Чжао Хуайцзинь, казалось, погрузился в размышления. — Маленький негодник, каждую ночь ты снишься мне, днем я постоянно думаю о тебе, а ты, видимо, даже не вспоминаешь обо мне, даже не спрашиваешь, как я!

Чжао Хуайцзинь заупрямился.

«Я так по тебе скучаю, как ты можешь не скучать по мне, даже не интересуешься, как я поживаю?» Он застрял в мысли, что Се Муцин не думает о нем, и не мог вырваться из этого порочного круга.

Чжао Си с удивлением наблюдал, как щеки его сына внезапно покраснели, и подумал, что, возможно, в кабинете слишком жарко из-за печи. Он велел убрать две печи, что привело к тому, что Чжао Хуайцзинь простудился. Лежа в постели и принимая лекарство, Чжао Хуайцзинь вдруг подумал, что раз он заболел, А Цин должен навестить его. С этой внезапной странной мыслью он два дня подряд выливал лекарство, что, естественно, усугубило его болезнь. В результате, хотя Се Муцин собирался навестить больного, из-за того, что Чжао Хуайцзинь был слишком болен, его семья, опасаясь, что он может заразить принца, отказала ему. Однако наследный принц вежливо выразил сожаление, что не может увидеть своего друга, и прислал множество подарков, после чего отправился к своему восьмому дяде в столице, чтобы поиграть с его ребенком.

Конечно, Чжао Хуайцзинь, находясь в полубреду, не знал об этих новостях. Когда он узнал об этом через три дня, он с сожалением ударил по краю кровати. Зачем он выливал лекарство два дня? Одного дня было бы достаточно! Затем он начал представлять, как выглядит Се Муцин, который стал на год старше. Ему было четырнадцать лет, а А Цин был на год младше, значит, ему было тринадцать. По королевским правилам, тринадцатилетний принц мог уже обсуждать свадьбу! Обсуждать свадьбу! Как это странно, если представить, что А Цин держит на руках женщину. Чжао Хуайцзинь, находясь в полубреду, размышлял об этом.

— Приветствую наследного принца.

Чжао Хуайцзинь обнаружил, что стоит на коленях перед Се Муцином, но А Цин никогда не заставлял его кланяться. Он с удивлением поднял голову и увидел, что Се Муцин держит на руках красавицу. Его взгляд, полный нежности, был направлен на девушку, и он улыбался искренней улыбкой, но всё это должно было принадлежать Чжао Хуайцзиню.

Чжао Хуайцзинь с удивлением понял, что он ревнует к этой женщине. Он резко встал и устремил взгляд на женщину в его объятиях, не скрывая своей ненависти. Женщина, притворившись испуганной, прижалась к Се Муцину. Се Муцин недовольно махнул рукой и сообщил:

— Эта женщина в моих объятиях — моя супруга.

Супруга наследного принца?! Как он мог не знать, что его А Цин уже женился?

Чжао Хуайцзинь внезапно проснулся. Вместо роскошного дворца наследного принца перед ним была его собственная комната. Этот сон помог ему понять свои чувства. А Цин был его, только его! Он хотел, чтобы Се Муцин смотрел только на него, думал только о нем и был только с ним! Эта безумная мысль заставила Чжао Хуайцзиня замереть. Если бы А Цин узнал об этих ненормальных мыслях, он, наверное, назвал бы его сумасшедшим. Но что ж, пусть будет сумасшедшим, он всё равно выбрал его!

Наконец разобравшись с причиной своего недавнего странного поведения, Чжао Хуайцзинь с облегчением вздохнул, похлопал по одеялу и решил как следует отдохнуть. Он решил, что, когда выздоровеет, отправится во дворец, чтобы стать спутником своего А Цина. А Цин был его, и он должен крепко держать его в своих руках, чтобы никто другой не смог его забрать!

На следующий день, почувствовав себя лучше, Чжао Хуайцзинь решил прогуляться и купить что-нибудь для своего А Цина. Близился Новый год, и улицы стали гораздо оживленнее, повсюду были праздничные украшения. Чжао Хуайцзинь, гуляя по улице, расслабился. Что же подарить? Он задумался и вдруг заметил на улице лоток с глиняными фигурками. Он улыбнулся. Это было неплохо, не так ли?

Хозяин лотка был пожилым мужчиной, который зарабатывал на жизнь этим ремеслом. Обычно он продавал свои изделия детям лет четырех-пяти или молодым парам в праздники, но подростка тринадцати-четырнадцати лет, интересующегося этим, он еще не встречал. Однако клиент есть клиент:

— Молодой господин, какую фигурку вы хотите? Себя или...

Чжао Хуайцзинь мягко улыбнулся:

— Уважаемый господин, у меня нет бумаги и кисти. Могли бы вы слепить фигурку по моему описанию?

<http://bllate.org/book/17702/1652959>